

Polylogos. 2013-2024

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

N 1 Volume 8. 2024

Ideological criticism of Nikolay Karamzin in pre-revolutionary Russian thought

Nikolay Chizhkov

RAS Institute of Philosophy

12/1, Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyses the works of three most acute pre-revolutionary critics of Nikolay Karamzin: literary scholar and ethnographer A.N. Pypin, nationalist N.V. Shelgunov and representative of regionalism S.S. Shashkov. Their methodological approach is based on the ideological criticism of Karamzin's creative and intellectual heritage. It is shown that one of the founders and the most prominent representative of this approach can be considered Pöpin, who, being a representative of the liberal political wing, saw his main goal as fighting not only and not so much with the "founder" of the conservative ideology in Russia, which he considered Karamzin, but primarily with his contemporary political opponents from the conservative camp. Shelgunov and Shashkov in their turn adhered to a partially similar line of ideological criticism and contributed to its development.

Keywords list (en): N.M. Karamzin, A.N. Pypin, N.V. Shelgunov, S.S. Shashkov, criticism, ideology, pre-revolutionary period, Russian thought

Date of publication: 10.04.2024

Citation link:

Chizhkov N. Ideological criticism of Nikolay Karamzin in pre-revolutionary Russian thought // Polylogos. – 2024. – V. 8. – N 1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110030500-2-1/>. DOI: 10.18254/S258770110030500-2

1 Наследие Н.М. Карамзина почти до конца 1860-х годов изучалось преимущественно историками и литературоведами. Они, в свою очередь, обычно не акцентировали свое внимание на формировании философского мировоззрения и социально-политических взглядах Карамзина, а также на том влиянии, которое на них оказывали различные философские системы и социально-политические течения. Это не означает, что эти аспекты его мысли полностью игнорировались, однако систематического анализа они не получили. В основном в российском обществе в большинстве случаев отношение к Карамзину было положительным, а его многотомный труд «История государства Российского» считался неотъемлемым элементом образования для нескольких поколений российской интеллигенции.

2 Интерес к философскому и социально-политическому наследию Карамзина резко возрос в середине царствования Александра II. Это было вызвано, с одной стороны, празднованием столетия со дня рождения историографа, с другой стороны, усилением идейной борьбы между либералами, народниками и областниками с консерваторами. В это время начал распространяться крайне критический взгляд на наследие историографа. В статье будут представлены точки зрения трех наиболее острых критиков наследия Карамзина. Во-первых, это радикальный либерал А.Н. Пыпин – печатался в «Вестнике Европы», был немного младше своего двоюродного брата Н.Г. Чернышевского и долгое время был под его идейным влиянием. Во многом именно его можно считать основоположником идеологической критики творческого наследия Карамзина, так как все последующие авторы, в том числе и некоторые представители русской эмиграции¹, опирались на его работу. Во-вторых, представитель революционного народничества Н.В. Шелгунов – будучи одним из теоретиков этого движения, сотрудничал с литературно-политическим журналом народников «Дело», где и опубликовал свою работу² в двух номерах, часть которой была полностью посвящена Карамзину. В-третьих, публицист областнического направления С.С. Шашков – известен в первую очередь благодаря своим трудам по истории Сибири; как и Н.В. Шелгунов, печатался в журнале «Дело». Критика идейного наследия и взглядов Карамзина этими исследователями сильно отличается от всей предшествующей. В ней появятся черты, предвосхищающие восприятие Карамзина в ранней советской литературе как идеолога, представителя определенных классов и кругов.

3 Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) – знаменитый литературовед и этнограф, который в 1891 году стал действительным членом Петербургской академии наук. Он не только написал обширную «Историю русской литературы», но также провел глубокое исследование «Общественного движения в России при Александре I»³, в котором в одной из глав основное внимание уделялось анализу социально-философских и политических взглядов Карамзина⁴. Пыпин является одним из ведущих дореволюционных критиков мировоззрения Карамзина в отечественной историографии. Эту критику можно считать содержательной, но не всегда справедливой, так как это, скорее, критика «с высоты сегодняшнего дня». Кроме того, эта критика слишком сильно переплетена с идеологическими спорами, которые находились в центре общественных дискуссий в конце 60-х и

середине 70-х годов, и автор не всегда четко различает, с кем он конкретно спорит, с идейным наследием Карамзина или с его сторонниками и последователями.

4 Пыпин сконцентрировал свое внимание на анализе политических взглядов Карамзина, а именно, его интересовало отношение историографа к государству и обществу, не обошел он также стороной и его литературную критику и художественные работы. Признавая значительный вклад Карамзина в развитие русской литературы и языка, он считает, что в творческом и идейном наследии отечественного мыслителя находятся зачатки консервативно-охранительной идеологии. Для него Карамзин был не просто сторонником консервативной идеологии, а являлся ее родоначальником в нашей стране. Следует отметить, что он не рассматривал Карамзина как непримиримого противника либеральных реформ, который старался всеми имеющимися у него силами помешать «начинавшемуся умственному и общественному движению»⁵, но признавал, что его работа «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»⁶ сыграла противоречивую роль в усвоении и закреплении либеральных идей в России.

5 В современных исследованиях творческого наследия Карамзина мы можем столкнуться и с более резкой трактовкой отношения Пыпина к Карамзину. Так, например, А.В. Архипова в своей статье «Достоевский и Карамзин»⁷ утверждает, что Пыпин рассматривал Карамзина как «лоббиста» застоя и реакции. Однако, по нашему мнению, Пыпин обвиняет в лоббировании застоя и реакции не самого Карамзина, а скорее его последователей и сторонников, которые использовали идеи мыслителя в своих политических интересах. Пыпин пишет: «Юбилей Карамзина получил (довольно, впрочем, естественно) тенденциозный охранительный характер. Панегирики⁸ вообще не отличались умеренностью. В Карамзине восхваляли не только его действительные заслуги в свое время, но и выставляли его как образец в настоящем; не только изображали его *историческое* значение, но опять нас приглашали “как верных сынов отчизны” – “шептать святое имя”, выводили из Карамзина мораль для настоящей минуты и в довершение всего извлекли из него даже аргументы в пользу охранительно-крепостнических тенденций, особенно разыгравшихся ко времени этого юбилея»⁹. Из этих слов становится понятно, что Пыпин в основном высказывает критику не в адрес самого Карамзина, хотя и указывает на то, что его взгляды являются устаревшими. Он, скорее, не соглашается с современными ему сторонниками Карамзина, которые, опираясь на его идеи, доказывают целесообразность текущего положения дел в стране и устоявшихся порядков.

6 Пыпин придает важное значение тому факту, что в молодости, перед своей поездкой в Европу, на тот момент еще юный Карамзин находился под влиянием старших масонов и достаточно долгое время в значительной степени разделял их идеи. Он считает, что анализ этого периода его жизни поможет глубже понять мировоззренческую основу его идейного наследия. По мнению Пыпина, этот опыт взаимодействия с ними оставил внутренний след, который прослеживается во всем дальнейшем творчестве Карамзина. Несмотря на то, что зрелый Карамзин мог отказаться от «странных алхимических костюмов и обрядов», внутренне он, вероятно, остался верным некоторым принципиальным идейным составляющим масонства, особенно в области морали и нравственной сферы жизни человека.

Говоря о масонах¹⁰, Пыпин пишет: «В нравственных понятиях они были мистические пиэтисты и филантропы, их возбужденное чувство переходило границы спокойных ощущений, легко становилось пафосом, аскетизмом, а также – меланхолией или сентиментальностью»¹¹. По его мнению, Карамзин разделял эти чувства масонов и поддерживал их, поэтому он с таким восхищением относился к Ж.-Ж. Руссо. Согласно Пыпину, именно сентиментальность не позволила Карамзину стать истинным ученым, так как она оттесняла на задний план не только глубокие философские проблемы, но и реальные жизненные противоречия.

7 По этой причине, согласно Пыпину, в своих письмах Карамзин ставит Лафатера на один пьедестал с Кантом, Гердером, Виландом и Гёте в вопросах о природе человека. Важно отметить, что на момент написания «Писем русского путешественника» Карамзину не было и 25 лет. Следует также учитывать не только то, что он был на тот момент еще очень молод, но и тот факт, что образованных людей в России было крайне мало. Кроме того, знания о немецкой философии в России того времени практически отсутствовали, систематического изучения или преподавания ее не существовало в принципе. Несмотря на все эти ограничивающие факторы, еще до своей поездки в Европу Карамзин основательно и подробно изучил труды немецких философов в оригинале. В свою очередь Лафатер в то время был очень почитаемым мыслителем в Европе. С работами Лафатера Карамзин был знаком с юных лет. Он познакомился с ними во время своего обучения в пансионе профессора Московского университета Иоганна Матиаса Шадена, в котором система обучения и воспитания была построена на идеях моральной философии Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715–1769) и этическом учении Иоганна Каспара Лафатера (1741–1801)¹². Также незадолго до своей поездки в Европу, скорее всего, по рекомендации старшего масона А.М. Кутузова, вступил с Лафатером в переписку. Уже в «Письмах русского путешественника»¹³ Карамзин достаточно точно изложит суть этического учения И. Канта и опишет их отличия, придав при этом довольно ироничный тон своим суждениям о Лафатере¹⁴.

8 По мнению Пыпина, в силу того что Карамзин плохо усвоил европейскую мысль, в его произведениях появляется неискренность во взглядах и суждениях, то есть некая фальшивость мысли. Он также обвиняет Карамзина, что его философские идеи, литературные взгляды, общественно-политические и жизненные ценности поверхностны и не имеют реальных фундаментальных оснований. Он считает, что в работах Карамзина присутствуют лишь красивые слова, не соответствующие действительности, а иногда и противоречащие ей. Следует отметить, что Карамзина волновали далеко не все проблемы, которые поднимались в философской мысли. Он в первую очередь был заинтересован вопросами, касающимися природы человека и морально-нравственной сферы. Карамзин не боялся признавать, что не все аспекты философской мысли ему были понятны и им хорошо усвоены, но он всегда испытывал к ним особое уважение.

9 Анализируя Карамзинское отношение к Руссо, Пыпин стремится продемонстрировать читателю, что во французском мыслителе Карамзина привлекают не столько его философские идеи, сколько его сентиментализм: «В то время уже ясно увидели, что значила та французская литература, к которой принадлежал Руссо; это слышал и Карамзин, но, тем не менее, он остается как

будто в неведении относительно смысла этой литературы; он восторгается фразами книги и не хочет видеть, что книга означает в действительности. Не мудрено, что он и сам говорил много фраз, не отдавая себе отчета в их смысле, – как упрекал его еще Белинский»¹⁵.

¹⁰ Для Пыпина Карамзин был человеком, который не понимал западную философию, но тем не менее он отмечал, что историограф искренне разделял идеалы, которые вдохновляли французскую революцию, но не поддерживал ее методы: «В кругу отвлеченных понятий Карамзин есть нежнейший друг человечества, защитник его прав, просвещения, человеческого достоинства; его идеалы – идеалы просветительной литературы конца XVIII-го века»¹⁶. По этой причине Пыпин выражает уважение к Карамзину как к личности, а всю негативную критику направляет на «панегириков» историографа, которые, по его мнению, стараются представить Карамзина исключительно как сторонника консервативно-охранительной идеологии и относят его взгляды на просвещение, свободу и человеческое достоинство к заблуждениям юных лет. Поэтому важно понимать, что Пыпин хотя и высказывает критику в адрес Карамзина за неправильное толкование европейских мыслителей и за ошибочные суждения, в основном он нацеливает свою критику на тех сторонников Карамзина, которые искажали мысли историографа в своих интересах, пытаясь соответствовать современной политической конъюнктуре.

¹¹ Несмотря на то, как Пыпин пытался представить свое исследование, его критика в адрес Карамзина не является имманентной, не является строго аналитической, основанной на разборе того, как автор развивает ту или иную концепцию от ее исходных принципов. Важно сказать, что в основном его исследование представляет собой, скорее, проявление идейной борьбы с консервативно-охранительными взглядами его современников. Кроме того, характерно для критики Пыпина, как и для многих других исследований того времени, то, что он часто упрекает Карамзина, что тот не полностью понял идеи, содержащиеся в работах, скажем, Руссо или Канта, или не обратил внимание на какие-то важные аспекты их мысли. Однако такие упреки не учитывают того факта, что Пыпин писал в эпоху, когда со времен Карамзина прошло более полувека, и за это время работы европейских философов были переведены на профессиональном уровне, стали широко известными, и в нашей стране была сформирована целая культура исследования, комментирования и преподавания их учений.

¹² Следующим известным критиком творческого наследия Карамзина, идеи которого мы рассмотрим, был Н.В. Шелгунов. Он придерживался убеждения, что историограф был человеком чувств и делал свои ошибки именно по этой причине. «Моралисты не умели понять, что сущность борьбы заключалась не в противоречии чувств, а в противоречии идей, и хотели хорошими чувствами исправить учреждения... Представителем этого направления явился Карамзин»¹⁷. По его мнению, в творчестве Карамзина эмоции всегда преобладали над разумом. Как и Пыпин, Шелгунов высоко оценивал литературный дар Карамзина, однако полагал, что все его произведения были чересчур сентиментальными, именно из-за этого его произведения в основном пользовались успехом среди женской аудитории. Сентиментализм в творчестве Карамзина также являлся причиной того,

что автор ориентировал своего читателя на мир внутренних чувств и переживаний. Укор Шелгунова заключался в том, что, заставляя читателя погружаться в свой собственный эмоциональный мир, Карамзин фактически отвлекал его от реальных социальных проблем. «Сын своей страны, питавший к ней самую нежную привязанность, Карамзин мог явиться только проповедником хороших чувств, мог писать только для грамотной толпы, – для тех, чья мысль была не в состоянии перешагнуть за пределы личного эгоизма и личных повседневных отношений»¹⁸. Это обвинение в адрес Карамзина нельзя назвать справедливым. Сентиментализм Карамзина способствовал развитию русского психологического романа, предоставив читателю возможность проникнуть в собственный внутренний мир через жизнь литературных персонажей, чего не наблюдалось в русской литературе до появления соответствующих работ Карамзина. На наш взгляд, это не свидетельствует об его эгоизме.

¹³ Однако у Шелгунова есть более серьезные обвинения в адрес Карамзина. Он утверждает, что мыслитель защищает крепостное право, неспособен понять реальную суть жизни крепостных и, преувеличивая роль государства, тем самым принижает значимость народа в российской истории. Сентиментализм мыслителя, по мнению Шелгунова, виновен в том, что в крепостничестве он видел «отеческую» заботу, а в монархическом правлении видел добродетельное и отеческое служение, а образ монарха был исключительно позитивным и возвышенным. Шелгунов даже иронизирует над требованием Карамзина о найме на государственную службу только достойных, честных и умных людей, считая это нереалистичным и несбыточным в условиях монархического правления.

¹⁴ Следует отметить, что Шелгунов, в отличие от Пыпина, не подозревает Карамзина в какой-то неискренности. Наоборот, он видит в нем благородного и честного человека, лишённого лжи и лицемерия. Тем не менее он соглашается с Пыпиным в том, что Карамзин не понял европейские идеи и не достиг необходимых высот европейской мысли из-за своего патриотизма и все того же сентиментализма, которые глубоко укоренились в его душе и пронизывали все его творчество. Сентиментализм в связке с патриотизмом руководили творчеством Карамзина, и они предопределяли сюжеты и выводы его произведений.

¹⁵ В это же время в России распространилась другая форма критики творческого наследия историографа, которая стремилась выявить некие «глубинные» основы мировоззрения Карамзина, которые некоторым авторам виделись в его социальной принадлежности, где главенствовали корысть, лицемерие и приспособленчество.

¹⁶ «Во время своей либеральной молодости Карамзин не имел никаких твердых политических убеждений... его либерализм ограничивался фразой, и даже в это время “великий” историограф был пламенным адвокатом крепостничества. Деист, космополит, поклонник европейской цивилизации, “республиканец по чувствам”, глава литературной партии, боровшейся со славянофильскою лигою Шишкова, Карамзин бросил все эти завиральные идеи, когда увидел, что играть ими небезопасно, как для себя, так и для тех традиций, на защиту которых влекли его и личные расчеты, и сословные тенденции»¹⁹. Так продолжает третью часть своего исследования, посвященную Карамзину, один из

наиболее жестких критиков его наследия С.С. Шашков²⁰. Несмотря на то, что опубликованные работы Шашкова по истории русской общественной мысли представляют собой компиляции, писались им за вознаграждения и не являются какими-то серьезными исследованиями, тем не менее было бы неправильно оставить его критику Карамзина вовсе без внимания. Тем более что речь в статье идет именно об идеологической критике наследия Карамзина в дореволюционной России. Именно такого рода критика Карамзина легла в основу официальной идеологической критики историографа на первых этапах существования советской власти.

¹⁷ Шашков не скупился на обвинения в адрес историографа: «Карамзин был оракулом самой отсталой партии; уличая других в неискренности, он был гораздо менее искренним, чем его противники»²¹. Под этими противниками он понимал «прогрессивную» часть общества, выступающую против крепостного права. Шашков также затронул вопрос о взглядах Карамзина на другие европейские нации. По его убеждению, Карамзин рассматривал европейцев как неверных, которые стремятся лишить Россию ее богатств, при этом представляя себя не как ее врагов, а скорее как союзников, желающих способствовать процветанию русского народа. Шашков также обвинял Карамзина в изоляционизме. Однако фактически ни ксенофобия, ни изоляционизм не были характерны для социальной и политической философии Карамзина, а уж тем более его художественным произведениям. Так, например, один из исследователей творческого наследия Карамзина Р. Пайпс²², понимая, что историографу чужды идеи ксенофобии и изоляционизма, одной из целей своего исследования поставил ответ на вопрос, как в мировоззрении Карамзина сочетались прозападный просвещенческий космополитизм с пылким патриотизмом к России и каким образом за это он снискал уважение у российских консерваторов позднего имперского периода, считая большую часть из них шовинистами и антисемитами.

¹⁸ Шашков, в поддержку своей точки зрения о лживости и двуличии Карамзина, ссылается на то, что историограф предлагал увольнять чиновников «без шума, тихо и скромно»²³, чтобы не вызывать народного недовольства. Это было связано с тем, что ошибки должностных лиц, это в первую очередь – ошибки государя, и чтобы сохранить доверие народа к правительству, следует исправлять их тайно от общественности. Шашков утверждает, что таким образом поступил Александр I по отношению к Сперанскому, вероятно, по рекомендации самого Карамзина, который обвинил Сперанского в дестабилизации монархического строя в России. Однако точка зрения Шашкова не выглядит убедительной, особенно учитывая, что после написания «Записки о древней и новой России...» сам Карамзин оказался в немилости у монарха. По словам барона Модеста Андреевича Корфа, младшего современника Сперанского, его биографа и его последующего преемника на должности при Николае II, причины увольнения Сперанского были совсем иными и связаны были в основном с внешней и внутренней политикой. Возможно, «Записка...» Карамзина произвела определенное впечатление на монарха, но не повлияла на его решение напрямую²⁴.

¹⁹ Шашков рассматривал Карамзина как одного из основных противников народного просвещения и образования, сторонника крепостного права и борца за сохранение привилегированного статуса дворянства. Его крайне отрицательное

мнение о вкладе и роли Карамзина в развитие русской духовной и политической истории иллюстрируется следующим высказыванием: «Мнения Карамзина были только отголоском мнений ретроградной массы. Но, высказываемые и развиваемые таким авторитетом, они получали гораздо более силы и значения, чем в том случае, когда они выходили из головы какого-нибудь полудикого степного помещика, хотя последний относительно этого вопроса, в сущности, стоял нисколько не ниже “великого историографа”»²⁵.

²⁰ Критика, которую дореволюционные радикальные мыслители направляют в адрес Карамзина, предлагает своего рода новый взгляд на его наследие, который можно охарактеризовать как критико-идеологический или классово-идеологический. Родоначальником такого подхода к изучению творческого и интеллектуального наследия Н.М. Карамзина и наиболее ярким дореволюционным представителем следует признать А.Н. Пыпина. Этот подход акцентировал внимание на связи мировоззрения Карамзина с политической жизнью и общественным устройством России в их консервативной составляющей. У такого подхода были как достижения, так и очевидные провалы. Слабым местом такого подхода, с нашей точки зрения, является, если так можно выразиться, «редукционизм», то есть попытка сведения идейно богатого и разнообразного содержания наследия Карамзина к простейшему сословному интересу и политической сервильности. Определенный вклад в развитие данного направления внесли Н.В. Шелгунов и С.С. Шашков. В дальнейшем данного подхода придерживались некоторые представители русской эмиграции (А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков и др.), а также официальные идеологи советской власти.

Remarks:

1. Более подробно см.: Чижков Н.С. Изучение наследия Н.М. Карамзина в русской эмигрантской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 6 (116). URL: [>>>>](#) (дата обращения: 26.12.2023).
2. Шелгунов Н.В. Попытки русского сознания. Ч. I–VI // Дело. 1874. № 1. С. 137–175;
3. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. 588 с.
4. Впервые Гл. IV «Карамзин. Записка о древней и новой России» была опубликована в «Вестнике Европы» (1870. № 9) и вызвала резко отрицательную реакцию у Достоевского, который, по его словам, «вырос на Карамзине». Либерально-атеистические статьи Пыпина всегда возмущали Достоевского, но после публикации этой главы он решил вывести Пыпина в качестве одного из персонажей романа «Бесы».
5. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. 588 с.
6. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 142–209.
7. Архипова А.В. Достоевский и Карамзин // Достоевский. Материалы и исследования / Ред. Г.М. Фридендер; гл. ред. В.Г. Базанов; АН СССР, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1974. Т. 5. 1983. С. 101–112.
8. Панегириками иногда в шутку называли не только хвалебные публичные речи, но и тех, кто эти речи произносил.
9. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. С. 187.
10. Пыпин был одним из наиболее известных исследователей русского масонства. Его перу принадлежит исследование: Пыпин А.Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. / Ред. и примеч. Г.В. Вернадского. Пг.: ОГНИ, 1916. 575 с.

11. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. С. 189.
 12. Более подробно см.: Чижков Н.С. Влияние Иоганна Матиаса Шадена на формирование мировоззрения Н.М. Карамзина // Полилог / Polylogos. 2019. Т. 3. № 4. URL: <https://doi.org/10.26907/2542-0426.2019.3.4.1> (дата обращения: 23.09.2022).
 13. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Terra, 2009. С. 7–472.
 14. Более подробно см.: Чижков Н.С. Влияние немецкой философии эпохи Просвещения на идейное формирование Н.М. Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6. № 4. С. 52–83.
 15. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. С. 194.
 16. Там же. С. 199.
 17. Шелгунов Н.В. Попытки русского сознания. Ч. I–VI // Дело. 1874. № 1. С. 175.
 18. Шелгунов Н.В. Попытки русского сознания. Ч. VII–XI // Дело. 1874. № 2. С. 66.
 19. Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX века. Ч. III // Дело. 1871. № 6. С. 150.
 20. Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX века // Дело. 1871. № 5. С. 108–134; № 6. С. 150–167; № 7. С. 1–23.
 21. Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX века. Ч. III // Дело. 1871. № 6. С. 151.
 22. См.: Pipes R. Karamzin's memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Michigan: University of Michigan Press, 2005.
 23. Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX века. Ч. III // Дело. 1871. № 6. С. 153.
 24. См.: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. Т. 2. СПб.: Имп. публ. б-ка, 1861. С. 1–46.
 25. Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX века. Ч. III // Дело. 1871. № 6. С. 155.
-

References:

1. Arkhipova A.V. Dostoyevskiy i Karamzin [Dostoevsky and Karamzin] // Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya / Red. G.M. Fridlander; gl. red. V.G. Bazanov; AN SSSR, In-t russkoy lit. (Pushkinskiy Dom) [Dostoevsky. Materials and research / Ed. G.M. Friedlander; Ch. ed. V.G. Bazanov]; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Lit. (Pushkin House). L.: Nauka, 1974. T. 5. 1983. P. 101112.
2. Karamzin N.M. Zapiska o drevney i novoy Rossii v yeyo politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations] // Karamzin N.M. Polnoye sobraniye sochineniy: v 18 t. T. 17 [Karamzin N.M. Complete works: in 18 volumes. T. 17]. M.: Terra, 2009. P. 142209.
3. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler] // Karamzin N.M. Polnoye sobraniye sochineniy: v 18 t. T. 13 [Karamzin N.M. Complete works: in 18 volumes. T. 13]. M.: Terra, 2009. P. 7472.
4. Korf M.A. Zhizn' grafa Speranskogo: v 2 t. T. 2. [The life of Count Speransky: in 2 volumes. T. 2]. St. Petersburg: Imp. publ. b-ka, 1861.
5. Pypin A.N. Istoricheskiye ocherki. Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii pri Aleksandre I [Historical essays. Social movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg: Printing house M.M. Stasyulevich, 1900.

6. Pypin A.N. Russkoye masonstvo: XVIII i pervaya chetvert' XIX v. / Red. i prim. G.V. Vernadskogo [Russian Freemasonry: XVIII and first quarter of the XIX century. / Ed. and approx. G.V. Vernadsky]. Petrograd: OGNI, 1916.
7. Chizhkov N.S. Vliyaniye Ioganna Matiasa Shadena na formirovaniye mirovozzreniya N.M. Karamzina [The influence of Johann Matthias Schaden on the formation of N.M. Karamzins worldview] // Polilog / Polylogos [Polylog / Polylogos]. 2019. T. 3. No. 4. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110008021-5-1/> (access date: 09/23/2022).
8. Chizhkov N.S. Vliyaniye nemetskoj filosofii epokhi Prosveshcheniya na ideynoye formirovaniye N.M. Karamzina [The influence of German philosophy of the Enlightenment on the ideological formation of N.M. Karamzin] // Filosoficheskiye pis'ma. Russko-yevropeyskiy dialog [Philosophical letters. Russian-European dialogue]. 2023. T. 6. No. 4. P. 5283.
9. Chizhkov N.S. Izucheniye naslediya N. M. Karamzina v russkoj emigrantskoj literature [Studying the legacy of N. M. Karamzin in Russian emigrant literature] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational journal History]. 2022. T. 13. Issue 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840014003-2-1/> (access date 02/26/2024).
10. Shashkov S.S. Dvizheniye russkoj obshchestvennoy mysli v nachale XIX veka. CH. I-III [The movement of Russian social thought at the beginning of the 19th century. Parts I-III] // Delo [Business]. 1871. No. 5. pp. 108134.
11. Shashkov S.S. Dvizheniye russkoj obshchestvennoy mysli v nachale XIX veka. CH. III [The movement of Russian social thought at the beginning of the 19th century. Part III] // Delo [Business]. 1871. No. 6. P. 150167.
12. Shashkov S.S. Dvizheniye russkoj obshchestvennoy mysli v nachale XIX veka. CH. IV-V [The movement of Russian social thought at the beginning of the 19th century. Part IV-V] // Delo [Business]. 1871. No. 7. pp. 123.
13. Shelgunov N.V. Popytki russkogo soznaniya. CH. I-VI [Attempts at Russian consciousness. Parts I-VI] // Delo [Business]. 1874. No. 1. P. 137175.
14. Shelgunov N.V. Popytki russkogo soznaniya. CH. VII-XI [Attempts at Russian consciousness. Parts VII-XI] // Delo [Business]. 1874. No. 2. P. 63105.
15. Pipes R. Karamzins memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Michigan: University of Michigan Press, 2005.

Идеологическая критика Н.М. Карамзина в дореволюционной русской мысли

Чишков Николай Сергеевич

Институт философии РАН

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье проводится анализ работ трех наиболее острых дореволюционных критиков Н.М. Карамзина: это литературовед и этнограф А.Н. Пыпин, народник Н.В. Шелгунов и представитель областничества С.С. Шашков. В основании их методологического подхода находится идеологическая критика творческого и интеллектуального наследия Карамзина. Показано, что одним из основателей и наиболее ярким представителем такого подхода можно считать Пыпина, который, будучи представителем либерального политического крыла, основной своей целью видел борьбу не только и не столько с «основателем» охранительно-консервативной идеологии в России, коим он считал Карамзина, но в первую очередь с современными ему политическими оппонентами из стана консерваторов. Шелгунов и Шашков в свою очередь придерживались отчасти схожей линии идеологической критики и внесли свой вклад в её развитие.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, А.Н. Пыпин, Н.В. Шелгунов, С.С. Шашков, критика, идеология, дореволюционный период, русская мысль

Дата публикации: 10.04.2024

Ссылка для цитирования:

Чишков Н. С. Идеологическая критика Н.М. Карамзина в дореволюционной русской мысли // Полилог/Polylogos. – 2024. – Т. 8. – № 1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110030500-2-1/>. DOI: 10.18254/S258770110030500-2